

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильичев А.В. — Русская армия накануне Крымской войны: между мифом и реальностью // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.9.38690 EDN: ZXNDFN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38690

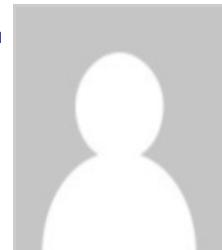
Русская армия накануне Крымской войны: между мифом и реальностью

Ильичев Антон Владимирович

Младший научный сотрудник, Музей-заповедник Героической обороны и Освобождения Севастополя.

299020, Россия, г. Севастополь, Пр. Генерала Острякова, 250-В, кв. 11

✉ ilichev-toni@mail.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.9.38690

EDN:

ZXNDFN

Дата направления статьи в редакцию:

31-08-2022

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблем военной системы Российской империи в гг. правления Николая I. Предметом исследования выступает военная организация Российской империи в середине XIX в. Объект исследования русская армия в Крымской войне (1853-1856 гг.) В центре внимания находятся вопросы организации вооруженных сил империи, подготовка рядового и офицерского состава, материально-технического и пенсионного обеспечения, а также военного производства в середине XIX в. Традиционно в отечественной историографии основными недостатками военной системы называлось техническое отставание Российской империи от европейских армий и крепостническое устройство отечественной державы. В ходе изучения темы было выявлено, что вопрос вооружения не был фундаментальной причиной послужившей поражению империи в конфликте. Солдаты набранные по рекрутской системе наборы не могли эквивалентно противостоять европейским армиям, основанным на системе конскрипции или добровольного набора. Тяжелые условия службы в армии Российской империи в XIX в., привели к полному истощению резервного запаса, что отчетливо проявилось в гг. Крымской войны (1853-1856 гг.). В сочетании с существенными недостатками в подготовке рядового и офицерского состава, это привело к абсолютной

гегемонии союзной армии в полевых сражениях. Многие из этих проблем были известны высшему военному и политическому руководству страны, которое инициировало ряд военных реформ по их исправлению. Реализовать эти изменения Николаю I до начала Крымской войны не удалось. Уже после конфликта под руководством военного министра Миллютина Д.А., в рамках «Великих реформ 1860-х гг.» многие из этих проблем были в той или иной степени разрешены. Исследование носит общий характер, и данная тема требует дальнейшего детального исследования каждого из аспектов, упомянутых в работе.

Ключевые слова:

Русская армия, Российская империя, Николай I, Крымская война, Павел I, Военное дело, Рекрутская система, Конскрипция, Военное образование, Военная промышленность

Крымская война является сложной страницей в отечественном и зарубежном историческом дискурсе. С одной стороны, события 1853-1856 гг. продемонстрировали мужество, героизм, стойкость и храбрость русского народа, проявленную в ходе Синопского сражения, обороны Севастополя (1854-1855 гг.), боевых действий на Кавказе. Обратной стороной медалью является трагический итог «Русской Илиады», завершившийся тяжелыми условиями Парижского мирного договора. Традиционно, к главным причинам поражения Российской империи в войне относят техническое отставание русских войск от зарубежных армий [\[6\]](#), [\[19\]](#), [\[21, с. 90\]](#), [\[2\]](#). Акцентирование внимания на данной проблематике является не только ошибочным, но и уводит дискурс с обсуждения тех недостатков военной организации империи, приведшим к столь трагичному исходу.

Перед тем как перейти к рассмотрению проблем военной системы Российской империи середины XIX в., стоит уделить несколько слов вопросам вооружения. Миф о серьезном техническом отставании русских войск и факторе «нарезного оружия» был подробно развеян современными исследователями. На начало Крымской кампании лишь 75 процентов английской армии была вооружена новыми винтовками Минье, в то время как у французов они находились на вооружении лишь у Зуавов и гвардии. Нарезное оружие было и у русских войск. Хотя и не в таком большом количестве [\[4, с. 98\]](#), [\[71, с. 15-24\]](#).

Основные причины поражения русской армии в Крымской войне крылись в фундаментальных основах организации русской войной системы того периода. Многие из этих недостатков не были исправлены к XX в., что сыграло немалую роль в поражении империи в Русско-японской и Первой мировой войне.

Советский историк Бескровный Л.Г. писал о том, что генезис деструктивных начал в русской военной системе был заложен в период правления императора Павла I [\[5, с. 10\]](#). Схожих по смыслу воззрений придерживались, и другие авторы отмечая бездумное копирование императором прусской военной машины [\[37, с. 228, 239-240\]](#), [\[74, с. 15-18\]](#). Столь критический взгляд на реформы Павла I является устоявшимся в отечественной историографии. Военный историк Керновский А. справедливо отмечал по этому поводу: **«Император Павел Петрович является самым оклеветанным монархом русской истории. Его не оценили современники, не поняло потомство, глядевшее на события глазами современников. В нем видели лишь самодура, сославшего за**

плохое равнение прямо с вахтпарада в Сибирь Конную Гвардию, деспота, запретившего слово «гражданин», ношение фраков и круглых шляп «как оним безбожным французским режисидам свойственных» — и красившего все шлагбаумы и караульные будки Империи под цвет перчаток своей фаворитки. Не видели, не хотели видеть ни высоко рыцарственной его души, ни доброго и отзывчивого сердца вспыльчивого, но отходчивого Императора, ни, самое главное, грустно и ненормально проведенного Цесаревичем времени в стороне от трона, почти что в ссылке» [\[34\]](#)

За последние годы современные исследователи, на основании широкой источниковой базы, начали пересматривать устоявшиеся взгляды на реформы Павла I. В основе военного реформирования русского императора легла цель избавить военную систему империи от недостатков, что получили бурное развитие в период его матушки. Навести порядок в строевой подготовке и военных уставах, избавить вооруженные силы от казнокрадства, злоупотреблений, наладить дисциплину в войсках и материальное обеспечение солдат и офицеров.

Первый удар был нанесен по **«привилегиям офицерского сословия»**. Дворянство, согласно, замыслу Петра I должно было стать основой и наиболее отборной частью офицерского корпуса. Однако с эпохи дворцовых переворотов начинается постепенный процесс по расширению их сословных свобод. Пик этих процессов достигается в период правления Екатерины II. Служба дворян в армии из обязанностей превращается в формальность.

XVIII в. по многим параметрам и показателям является пиком славы русского императорского оружия. Однако за фасадом гениев Суворова А.В. и Румянцева П.А. скрывались неприглядные проблемы в военной отрасли, что требовали существенной реформации. Особенно это характерно для конца XVIII в., когда власть в империи сосредотачивается в руках фаворитов Екатерины II. В это время военная сфера активно страдает от: коррупции, злоупотреблений (в том числе и в системе чинопроизводства, когда повышение по службе получали, преимущественно, за личные связи и происхождение, а не за способности), значительного падения дисциплины в гвардейский подразделениях [\[65, с. 278-314\]](#),[\[70, с. 39, 148\]](#),[\[1, с. 141-146\]](#),[\[32, с. 7-17\]](#),[\[51, с. 6\]](#),[\[52, с. 134\]](#),[\[34\]](#)

Павел I начал бороться со всеми этими деструктивными процессами решительно и кардинальным образом. В первую очередь, в 1796 г. был принят «Воинский устав о полевой пехотной службе», что значительно способствовал в преодолении злоупотреблений в адрес нижних чинов [\[56, с. 247\]](#). За 4 года правления императора Павла I был принято воинских уставов больше чем за все предшествующие годы существования империи [\[72\]](#). Большинство положений из этих документов продолжало действовать и в XIX в.

Следующим шагом стала ревизия офицерского состава, в ходе которой были исключены все офицеры, формально числящиеся в войсках [\[74, с. 131\]](#),[\[34\]](#).

В годы правления Павла I было значительно улучшено вещевое снабжение в войсках. Вот как пишут об этом авторы XX в.: **«Ввиду недостатка на рынках сукна, его дороговизны и дурного качества Император Павел I сделал распоряжение о том, чтобы сукна для генералов и офицеров заготавливались при посредстве комиссариата, и эту трудную задачу он выполнил с успехом... Обмундирование и**

снаряжение войск, по-видимому, находились в хорошем состоянии. Установленные в то время вещевые отпуски нужно признать вообще достаточными. При Павле I войска были лишь недовольны покроем одежды» [\[69, с. 123\]](#).

Быт солдат при Павле I был значительно улучшен благодаря постройке казарм и расквартирования в них личного состава, увеличение жалования, улучшение медицинской службы, запрету на вольные работы, вводу наград для рядового состава (знак отличия ордена св. Анны) [\[35, с. 88\]](#), [\[34\]](#).

Изменения в униформе проведенные Павлом I были также подвергнуты значительной критике современниками. За основу преобразований был взята прусская форма времен Фридриха II и часть униформы образца 1763 г. (это касалось штанов). В отличие от прусской русская пехотная униформа не имела столь вычурной и богатой отделки, а также не обладала серьезными различиями между офицерскими и рядовыми образцами. Павловское обмундирование было детально рассмотрено Е.И. Юркевич в статье «Обмундирование русской армии в царствование императора Павла I (1796-1801 гг.): Анализ и оценки». В работе автор выделяет следующие положительные черты реформы: унификация обмундирования, введение «темно-зеленого» цвета в качестве основного, почти во всех родах войск, появление овчинной безрукавки и шинели на зимнее время [\[75, с. 181, 185\]](#). Из достоинств реформ Павла I в этой области Юркевич Е.И. выделяет улучшение вещевого снабжения и удешевление гвардейского обмундирования со 120 рублей до 22 [\[75, с. 183\]](#). В своей работе автор приходит к выводу о том, что форма Павла I была достаточно удобной и практичной и подходило под линейную тактику ведения боя. Ряд элементов с небольшими изменениями дошли и до XX в. При этом Юркевич Е.И. отмечает, что форма Александра I и Николая I была более неудобной и непрактичной для солдат [\[75, с. 183, 184, 186\]](#). Эту точку зрения подтверждают и другие униформологи. Татарников К.В. пишет по этому поводу следующие: «...Что же касается функциональных свойств, то еще большой вопрос, насколько введенный при императоре Александре кивер со множеством украшений был удобнее треугольной шляпы, короткого фрачного покроя мундир с жестким стоячим воротником и наглухо застегнутый на все пуговицы в любую погоду – кафтана с камзалом, а широкие крест-накрест надетые амуничные ремни, порой до онемения сдавливающие плечи и грудь, и носимый на спине ранец – прежней амуниции... По сути, «Павловский мундир обладал только одним, но очень серьезным, с точки зрения носивших его людей, недостатком – он был немоден» [\[64, с. 37-38\]](#). Реконструктор и униформолог Егоров В.И. описывал свои впечатление от Александровского костюма следующими образом: «Шинель – превосходная, наиудобнейшая вещь... однако, обратившись в скатку и заняв положенное место в системе амуничных ремней, она много теряет из своих полезных качеств. Пресловутые ремни – сплошь плечевые... Сначала надевается тесачная перевязь (с тесаком); затем, накрест – сумочная (с патронной сумой). Далее следует скатка, скатанная как можно тоньше. И, наконец, поверху все «запечатывается» ранцем на двух плечевых ремнях с одним поперечным. Правильно снаряжаться самому нельзя – нужна помочь товарищем... Полученный результат напоминал кокон. Все предметы абсолютно неподвижны и в значительной степени нефункциональны. Из ранца ничего не достанешь... Привязанная к нему манерка привязана намертво: есть водица, нет ее – все равно не отхлебнешь... Через пару часов пребывания в регламентной «упаковке» ... начинали затекать руки, плечи,

томилась в дискомфорте грудная клетка» [\[20, с. 48\]](#).

Негативные оценки Александровской формы встречаются и в дореволюционный период [\[29\]](#).

Павловские реформы по своему объему требуют комплексного рассмотрения в отдельном исследовании. В рамках этой работы мы можем лишь отметить, что они заложили основы и задали последующий вектор для развития военного дела в России в XIX – начале XX в. Профессор Фишер А. писал по поводу Павловских реформ: «Военные реформы Павла сводились к более четкой организации, быстрой мобилизации и большей маневренности армии, ... имели целью также унификацию обучения и ликвидацию коррупции» [\[18, с. 368\]](#).

К началу Крымской войны вооруженные силы Российской империи были организованы по Прусско/французскому образцу. Полевая армия состояла из 4-х корпусов, по три пехотных, одной кавалерийской и артиллерийской дивизии в каждом. Дивизия образовывалась из двух бригад, по два полка. Полк мог включать от трех до шести батальонов. На момент Крымской кампании Российская империя могла выставить армию численностью почти в миллион человек [\[77, с. 13\]](#). На первый взгляд, эта цифра может впечатлить. Однако при детальном рассмотрении, можно отметить, что эта численность отнюдь не была соразмерна качеству войск. Напрямую это можно связать с действующей системой комплектования войск и системой подготовки.

В середине XIX века русские войска пополнялись за счет «рекрутского набора». На 20-25 лет военной службы призывались представители податного населения Российской империи. Учитывая, что большую часть этой категории граждан составляли крестьяне то основное бремя по комплектованию вооруженных сил ложилась именно на них. Несмотря на один из самых высоких темпов прироста населения в Европе, русская армия регулярно испытывала недостаток в кадрах [\[5, с. 6\]](#). Это было напрямую связано с экономической системой Российской империи, базисом которой служил крепостнический строй. Помещики регулярно саботировали расширение рекрутских наборов, поскольку были заинтересованы в сохранении своей рабочей силы. Кроме того, рекрут, что возвращался после воинской службы был освобожден от несения крепостнической повинности.

Существенная прослойка русского населения (дворяне, купцы, духовенство) была и вовсе освобождена от несения воинской службы, а это от 5 до 6 млн человек.

Крестьяне были в своей массе малограмотны или вовсе безграмотны, что с военной точки зрения наносило существенный вред качеству подготовки войск. Британские историки Дж. Суитман и П. Мерсер добавляли к этому еще один тезис о том, что насиливо призванный в русскую армию крестьян заметно контрастировал в вопросах морально-мотивационных качеств с европейскими армиями набранными за счет добровольцев [\[62, с. 203\]](#). Схожей точки зрения придерживался и виднейший советский военный историк, последователь школы Х. Дельбрюка, Свечин. А.А. Вот что он пишет: **«В николаевской армии не было ни того сдерживающего начала, которое вносит в вербованные армии дороговизна вербовки, ни того бережливого отношения к солдату, которое является естественным следствием общей, распространяющейся на все классы воинской повинности; в результате «здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке, насилиу щей пустых дадут» [\[57, с. 17\]](#).**

Рекрутская система и длительный срок военной службы наносили существенный урон по такому важному элементу, как военный (мобилизационный) резерв. Это привело к тому,

что русская армия состояла из двух совершенно отличающихся по качеству войск частей: отлично подготовленной действующей армии и практически полностью недееспособной резервной [\[22, с. 409\]](#). В прусской армии рекрут мог выйти в отставку уже спустя 8 лет службы, в то время как в русской это было возможно сделать, при самом благоприятном исходе, лишь спустя 13-15 лет [\[57, с. 16\]](#),[\[5, с. 77\]](#). В сочетании с проблемами снабжения и недостаточным уровнем развития медицинской части, большая часть из 212 тысяч запасников не могла служить из-за проблем со здоровьем [\[57, с. 16\]](#),[\[33, с. 277\]](#),[\[22, с. 410\]](#),[\[24, с. 19\]](#). О серьезных проблемах в снабжении русской армии провиантами пишет, и полковник С.В. Гаврилов в своем исследовании «Особенности интендантского снабжения в Русской армии в первой половине XIX века». Приведем пример из его исследования который напрямую касается Крымской войны. За снабжение гарнизонов, защищавших побережье Крымского полуострова отвечали небольшие провиантские магазины [\[10, с. 62\]](#). Их ассортимент пополнялся за счет поставок из материковой части посредством гужевого транспорта. Общее качество дорог в Таврической губернии, еще до войны оставляло желать лучшего, о чем нам известно из воспоминаний лиц, посещавших регион [\[73, с. 19\]](#). С началом боевых действий в Крыму общее состояние сухопутных транспортных путей значительно ухудшилось. Уже в сентябре 1854 года, ассортимент упомянутых магазинов заканчивается, из-за чего все вопросы снабжения провизией ложатся на Симферопольскую провиантскую комиссию. Это приводит к прямой угрозе голода вооруженных сил в Крыму, которую благодаря ряду меру удалось впоследствии избежать [\[10, с. 62\]](#). О прямой взаимосвязи вооруженных сил государства с экономической и логистической системой писал еще барон Кольмар фон дер Гольц (прусский генерал, автор реформ османской армии в 1880-х гг., позволивших туркам выиграть в войне с Грецией в 1897 году) в своей работе «Вооруженный народ/Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время»:

«Современная армия как-то чудовище, нуждается в постоянной питании и, как Антей (прим. Антей – в древнегреческой мифологии великан, сын Посейдона и Геи, что черпал свою силу от соприкосновения с землей), сохраняет свою силу только до тех пор, пока она в состоянии черпать ее от матери-земли, т.е. отечества» [\[14, с. 427\]](#)

О проблемах снабжениях в Крымской войне и осажденном Севастополе пишет Степенов П.И, ординарец генерал-лейтенант Хрулева С.А.:

«Больно видеть, что все труды Горчакова и Затлера портятся бесчестными исполнителями. Какой-нибудь командир роты подвижного магазина наживает в месяц от тысячи до двух тысяч рублей; скот заморен и ни в одной роте нет комплекта. В Бахчисарае сожгли запасы сена во избежание проверки.... Еще более воровали смотрители; не говоря уже о дровах которые чуть не продавались на вес золота; палаты нагревались дыханием больных. Сено и солома менялись в тюфяка очень редко, потому что отпускалось по 2 руб. на пуд и на тюфяки тифозных бессовестно клали других и прививали тиф. Белье тоже стирали редко, хотя отпускали деньги на прачек – но на это употреблялись слабосильные, а расход велся исправно и отчетность на бумаге была в совершенстве» [\[61, с. 43, 50\]](#).

О схожих проблемах сообщает другой участник Крымской войны и обороны Севастополя Милошевич Н.С.:

«Крымская армия после Инкерманского сражения не могла вывести в строй и 30 000

штыков, болезни же и госпитали ежедневно сокращали ее. Состояние госпиталей было ужасно; в медиках чувствовался крайний недостаток, а медикаментов и госпитальных принадлежностей и вовсе не было. Но преобладающие препятствие к военным операциям заключалось в недостатках продовольствия: интендантской части в армии не существовало, страна была разорена, дороги непроходимы и о сборах в Севастополе 7 дневного продовольствия на 30-40 т. человек нельзя было и помышлять» [\[39, с. 31\]](#).

Штаб-ротмистр Е. Арбузов в своих воспоминаниях писал следующее:

«Вообще, санитарная часть при войсках в то время оставляла желать весьма многое. В бинтах и корпии (прим. Разделенная на нити льняная или хлопчатобумажная ветошь, используемая в качестве перевязочного материала) чувствовался страшный недостаток, а между тем, кладовые симферопольской почтовой конторы были ими переполнены, вследствие громаднейшей их присылки со всех концов России. Корпия и бинты были только при лазаретных фурах и употреблялись как драгоценность; у солдат же при себе ни у кого их не было... До выхода на зимние квартиры, продовольствие людей и лошадей было весьма жалкое. Зачастую приходилось дня по три не иметь ни сена, ни овса; сухари и крупа выдавались людьми неаккуратно, а водки они не видали более двух месяцев. Бывшими при войсках маркинантами предметами продовольствия продавались по баснословно-высокой цене...» [\[3, с. 393, 407\]](#)

Ряд авторов, на основании «высокого мобилизационного потенциала» Российской империи и огромного количества военнослужащих, выдвигают тезис о том, что «несостоятельность Николаевской военной машины – миф» [\[36, с. 57-59, 79-82, 182\]](#), [\[78, с. 243\]](#). Сложно оспорить тот факт, что русская армия накануне Крымской войны являлась одной из самых многочисленных армий на континенте, как и то что в годы войны удалось мобилизовать огромное число рекрутов. Однако «состоительность/несостоятельность» любой военной машины не зависит от количества вооруженных сил. Военной науке, еще с давних времен было известно, что войны выигрываются не количеством, а мастерством. Было это известно и в дореволюционной России:

«Все европейские армии соперничают между собой в улучшении технических достоинств ружей и в общем стремлении улучшить огонь пехоты. Много сил тратится на изобретения и выбор лучшего оружия, миллионы издерживают государства на его приобретение. Но дабы сила армии возрастила пропорционально сделанным затратам, необходимо, чтобы искусство стрельбы стояло на одном уровне с достоинством оружия. Пули, выпущенные из ружья, направленного неопытной рукою будут зарываться в землю или лететь через головы неприятеля, независимо от достоинства оружия» [\[7, с. 256\]](#)

Недостаток базы резервистов Николаевской системы привел к тому, что правительство было вынуждено в массовом порядке призывать рекрутов без какой-либо подготовки и обучения [\[40\]](#), [\[24, с. 18\]](#). Естественно, такие соединения не могли наравне противостоять профессиональным армиям Англии и Франции. Таким образом армия Российской империи в XIX имела чрезвычайно большой личный состав для мирного времени, но абсолютно недостаточный в случае ведения войны.

Проблемы содержания касались не только рядового, но и младшего офицерского состава. Жалования обер-офицеров редко хватало даже на удовлетворение рядовых потребностей [\[50, с. 288\]](#). В этой связи, офицеры, не имевшие других источников дохода

были вынуждены обращаться к благодетелям или ростовщикам. Финансовые проблемы касались и пенсий. Получение полного пенсионного оклада было возможно, в случае достижения штаб-офицерского чина и общей выслуге в 35 лет. В германской армии пенсия для военных выплачивалась лишь в случае неспособности продолжить дальнейшую службу (по возрасту или здоровью). Кроме того, они трудоустраивались государством в корпусе земских жандармов и гражданской службе. Половинчатая пенсия (подполковника), в случае более раннего ухода в отставку, чем по обозначенным выше условиям составляла [\[43, с. 378-380\]](#): 215 рублей. Прожить исключительно на эту сумму человеку, особенно семейному, было практически невозможным [\[44, с. 178\]](#). Проблема пенсионного обеспечения по инвалидности затрагивается в статье «О назначении пенсий из инвалидного капитала» в Военном сборнике от января 1894 г. Автор подвергают сомнению тезисы, озвученные историком Соловьевым в его монографии «Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции»:

«1) пенсии из инвалидного капитала назначать раненым всех трех классов, но не по чинам, а по классам ран, причем установить только три размера пенсии: один – для раненых 1-го класса, другой – для 2-го класса и третий – для раненых 3-го класса. 2) пенсии назначать раненым только по увольнению в отставку» [\[46, с. 153\]](#).

По мнению автору статьи такое решение нецелесообразно поскольку у более высоких чинов значительно шире спектр обязанностей, а также потребностей что несомненно влечет за собой необходимость более высоких пенсионных выплат [\[46, с. 153-155\]](#):

«Чины, как и вообще, служебное положение, расширяют круг и размеры потребностей, например: генералу квартира нужна обширнее и приличнее нежели обер-офицеру...» [\[46, с. 155\]](#)

Финансовые трудности затрагивали не только унтер-офицеров, но и обер-офицеров. В статье Военного сборника от 1870 г. рассматривающая офицерские вспомогательные капиталы автор пишет следующее: **«Большое число желавших получить заем из офицерского капитала обуславливалось, в свою очередь, недостаточностью средств офицеров, как вследствие увеличивающейся из году в год дороговизны на все жизненные потребности, а потому и чрезмерного удешевления денег, так и по непривычке к бережливости и, в то же время, различных затей, несообразных с ограниченными средствами офицера.... В полковой офицерской сумме, обладателями капитала чистого, необременённого долгами, были, по большей части, только офицеры, вполне обеспеченные какими-либо частными средствами: доходами с имения, у кого оно было, процентами с капитала, полученного по наследству, или кое-каким денежным пособием от достаточных родителей... Из людей же бедных, ни вотчин, ни капиталов, не имевших, к числу счастливых обладателей «чистого» офицерского капитала, принадлежали только старослужащие офицеры, обладавшие в то же время большими средствами, большой опытностью и большим умением жить. Остальное офицерство было, что называется, кругом в долгах»** [\[45, с. 306\]](#).

Стоит отметить, что проблемы с содержанием офицерского корпуса были характерны не только для Российской империи, но и для других держав того времени, в частности Великобритании [\[38\]](#),[\[68\]](#). О неблагоприятном финансовом положении офицерского корпуса писал и А. И. Деникин в своей работе «Путь русского офицера» [\[16\]](#).

Серьезной проблемой русской армии Николаевской эпохи являлось и качество командного состава. Офицерский корпус в это время комплектовался за счет: выпускников академии, добровольно поступивших на службу (преимущественно дворян) и по набору. Первая категория была малочисленной и в своей основе поступала на службу в гвардию. Относительно, второй категории то именно она представляла основу пополнения офицерского корпуса. Сдав несложный экзамен на юнкера, дворяне поступали на службу где уже через несколько лет могли получить офицерский чин. Унтер-офицеры по набору, для той же цели (получения офицерского чина) должны же были прослужить 10-18 лет в качестве унтер-офицера, сдать сложный экзамен и пройти испытательный срок в один год [\[23\]](#).

Известный советский историк П.А. Зайончковский писал о низком качестве подготовки офицерского состава в дореформенный период [\[24, с. 29\]](#). Это проблема касалась не только второй, но и первой категории. Зайончковский П.А. пишет по этому поводу: **«Объем знаний общеобразовательных предметов, получаемых в кадетских корпусах, был очень невысок, а качество преподавания находилось на крайне низком уровне, что объяснялось общим состоянием просвещения в дореформенную эпоху и определенной его направленностью»** [\[24, с. 30\]](#). Объем, непосредственно, военных знаний в профильных учреждениях был чрезвычайно мал, а акцент делался на строевой подготовке. Это приводит к тому, что большая часть офицерской прослойки после выпуска не была осведомлена о специфике службы. Стоит отметить, что даже при столь существенных проблемах, в вооруженных силах продолжали сохраняться традиции Суворова и Кутузова. Как справедливо отмечает, сам П.А. Зайончковский: **«из учебных заведений выходили не только «герои» смотров и плацов, но и подлинные герои – герои Севастополя»** [\[24, с. 31\]](#).

Сравнительно полная система чинопроизводства в России была введена с установлением конскрипции в период реформаторства Милитина Д.А. До этого в императорской армии пользовались принципом, заложенным еще Петром I. Естественно, что по мере развития государства и военной науки, он значительно расширялся и дополнялся новыми положениями и пунктами. В Пруссии строгая и эффективная система чинопроизводства была сформирована в 1808 году (и с того периода сильно не изменялась). Во Франции схожие преобразования прошли в 1838 году. А в Австрии лишь в 1866 году.

В основу чинопроизводства Петра I был положен принцип личностных заслуг, что позволяло пробиться многим талантливым и способным офицерам, в независимости от происхождения [\[66, с. 35\]](#). Уже с периода «Дворцовых переворотов», реформы Петра I в этой области начинают дополняться. К середине XIX века это приводит к излишней бюрократизации и нагромождению всей системы чинопроизводства. Многие положения, буквально, были взаимоисключающими [\[31, с. 267\]](#). Императрицами Анной Иоанновной и Екатериной II в эту систему был внедрен фактор, что негативно сказался на качестве всего офицерского состава в дальнейшем – принцип повышения по «старшинству и достоинству» [\[54\]](#). Он привел к значительному увеличению коррупции в системе чинопроизводства. Фактически получить дальнейшее повышение без чьего-либо покровительства или связей было почти невозможным. Это положение привело к серьезному недовольству прослойки офицеров, что не принадлежали к знатным домам и не имели покровителей [\[9, с. 73\]](#).

Проблемы в системе чинопроизводства не были особенностью Русской императорской

военной машины, а были характерны в той или иной степени для всех европейских армий XIX – начала XX в. Во Франции офицер мог получить штаб-офицерский чин лишь после 40 лет [63, с. 98]. В Германской армии обер-офицер чтобы получить чин капитана или ротмистра должен был прослужить 14-16 лет, а для получения штаб-офицерского – 20-25 лет [42, с. 183]. В Великобритании и вовсе существовала вплоть до конца XIX в. порочная практика покупки офицерских чинов, что привела к полному вымыванию профессиональных военных кадров в офицерском корпусе.

Американский историк Р. Рииз в своей работе «The Imperial Russian Army in Peace, War, and Revolution, 1856–1917» выдвинул тезис об отсутствии в России, накануне Крымской войны офицерского корпуса как профессиональной военной организации. Аргументацию своей точки зрения, автор начинает с того, что офицеры Русской императорской армии определяли свои личные и корпоративные интересы не как военной структуры, а как социального класса [76, с. 28]. В качестве доказательной базы Р. Рииз приводит данные исследований Джона Киипа и П. Зайончковского по этому вопросу. Джон Киип пишет о том, что общественный климат в России не способствовал формированию горизонтальных связей среди офицеров [79, с. 232]. Помимо этого, он отмечает, что сама идея отсутствия в дореволюционной России такого явления как офицерского корпуса не нова. Она берет свое начало еще в XIX веке и связано с наблюдениями Шедо-Ферроти писавшего об отсутствии у русских офицеров того что французы называют «esprit de corps».

Р. Рииз пишет о высоком уровне конфликтности в офицерской среде русской императорской армии: конфликт между потомственными дворянами и личными дворянами, богатыми и бедными, дворянами и не дворянами [76, с. 30]. Из доказательств он также приводит выдержку из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого:

«Для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов аристократ, потому что у него чистая шинель и перчатки, и он его за это терпеть не может, хотя уважает немного; для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин аристократ, потому что он адъютант и на «ты» с другим адъютантом, и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта Калугина граф Нордов аристократ, и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. Ужасное слово аристократ. Зачем подпоручик Зобов так принужденно смеется, хотя ничего нет смешного, проходя мимо своего товарища, который сидит с штаб-офицером? Чтобы доказать этим, что, хотя он и не аристократ, но все-таки ничуть не хуже их. Зачем штаб-офицер говорит таким слабым, лениво-грустным, не своим голосом? Чтобы доказать своему собеседнику, что он аристократ и очень милостив, разговаривая с подпоручиком. Зачем юнкер так размахивает руками и подмигивает, идя за барыней, которую он в первый раз видит и к которой он ни за что не решится подойти? Чтобы показать всем офицерам, что, несмотря на то, что он им шапку снимает, он все-таки аристократ и ему очень весело. Зачем артиллерийский капитан так грубо обошелся с добродушным ординарцем? Чтобы доказать всем, что он никогда не заискивает и в аристократах не нуждается, и т. д., и т. д., и т. д.» [67].

На первый взгляд, мнение американского историка можно представить, как попытку принижения и умаления офицерского корпуса в России, что отлично ложится в рамках современного русофобского дискурса в мире. Однако при более детальном рассмотрении вопроса он приобретает несколько иную грань. Описанная Р.Риизом высокая конфликтности в офицерской среде русской императорской армии середины XIX

в. отчетливо коррелирует с общими закономерностями и проблемами социально-экономического развития империи. Подтверждения этого встречается и в работах отечественного историка П.А. Зайончовского [\[24\]](#),[\[25\]](#),[\[26\]](#),[\[27\]](#).

Приведем несколько примеров демонстрирующие конфликты в офицерской среде из воспоминаний участников Крымской войны:

«К сожалению, в их убеждениях тайной пружиной был эгоизм. Удачное сражение из города устранило их от славы, которая досталась бы севастопольским начальникам, а Вревский за тем и приехал, чтобы составить себе славу боевого генерала; ему мало было репутации умного и полезного кабинетного администратора» [\[60, с. 43\]](#).

«Не могу умолчать, как я был поражен лично увидевши образ жизни интендантских чиновников, которые собирались в кружек, начинали кутить и играть в азартные игры, так что пред каждым субъектом на зеленом столе образовывались большие кучки золота, которые часто переходили от одного субъекта к другому; при этом происходили между ними разные недоразумения и крики, но до драки не доходило» [\[55, с. 50-51\]](#).

«Из того письма, где я тебе описывал Меньшикова, видно, что я правду говорил: он не годится в полководцы, скупердяй, – верно, весь род такой, доказательство Суза, – сухой саркаст, отъявленный эгоист – это ли полководец. Как он запустил администрацию, все сообщения, всю медицинскую часть. Это ужас! И взамен, что же сделал в стратегическом отношении? Ровно ничего. Делал планы, да не умел смотреть за исполнением их, потому что ему не доставало уменья на это; он не знал ни солдат, ни военачальников; окружил себя ничтожными людьми, ни с кем не советовался; – ничего и не вышло» [\[53, с. 115\]](#)

«И действительно, если нижние чины никогда не нарушали чинопочтания и субординации, то начальники частей часто уклонялись от точного исполнения приказаний, и чем выше были они в чинах, тем более считали они себя в праве своеизвличать во имя высших соображений. Князь Мешьшиков не без основания говорил, что у него в Крыму были генералы, могущие командовать частями, но ни одного не было, который умел бы повиноваться» [\[8, с. 213\]](#).

Р. Рииз отмечает, что подобная проблема была характерна не только для России, но и Великобритании и Пруссии. После Крымской войны Д.А. Милютин в рамках военной реформы попытался разрешить эту проблему путем: 1) увеличение числа военных учебных заведений 2) повышение сложности экзаменов 3) расширение социальной прослойки офицерского состава путем увеличения в нем представителей рабочего класса.

Проблема военного образования, когда большинство офицеров было плохо осведомлено о военном деле и практически не имело боевого опыта отчетливо проявилась в годы Крымской войны. Вместе с этим вскрылись еще одни болезные точки, связанные с офицерским корпусом – пассивность генералитета и неясность в формулировках приказов.

Николая I уделял особое внимание развитию военного образования [\[11, с. 90\]](#),[\[13, с. 1\]](#),[\[12, с. 11\]](#). В годы его правления, фактически, происходило полное формирование системы военного образования в Российской империи на иностранный (современный) манер. Однако, как отмечает генерал-майор Генерального Штаба Н.П. Глиноецкий первые 20 лет этого процесса характеризуются значительными трудностями и постоянными

кадрильными преобразованиями учебных программ [\[13, с. 38-39\]](#). Из недостатков этого периода автор относит и чрезмерное увлечение строевой подготовкой [\[13, с. 46-47\]](#). Процесс создания централизованной, современной системы является сложным и длительным, в силу чего благие начинания Николая I были завершены лишь в эпоху «Великих реформ».

В выпуске Военного сборника от 1896 года была опубликована статья «Действительное значение самостоятельности в командной системе на войне» [\[17\]](#). В ее рамках автор разобрал битву при Верте, произошедшую в годы Франко-Прусской войны (1870-1871). Для прусской армии это сражение из великой победы чуть не превратилось в катастрофическое поражение. Как отмечает автор, причиной тому стала пассивность командующего армией и неясность приказов, данных генеральным штабом [\[17, с. 66\]](#). Ровно эти же проблемы преследовали русскую армию в Крыму на протяжении всей Крымской войны.

В Альминском сражении главнокомандующий военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, генерал-адъютант А.С. Меньшиков выбрал изначально верную и правильную позицию. С.В. Ченнык в своей работе справедливо отмечает, что в этой битве А.С. Меньшиков выбором места сражения предвосхитил описанную генерал Гельмутом фон Мольтке «Фланговую позицию» [\[71, с. 34\]](#). Позиция русских войск не позволяла флоту противнику за счет удаленности побережья, оказывать поддержку своим силам. А сухопутные части неприятеля были вынуждены атаковать противника в лоб, под шквальным огнем артиллерии или совершать длительные обходные маневры. Вероятнее всего, по замыслу А.С. Меньшиков русская армия должна была держа оборону, остановить наступление противника и воспользовавшись достигнутым успехом перейти в контратаку. Однако изначальный замысел с треском провалился, и русская армия не сумела удержать позицию дольше 4-х часов. Причиной тому было несколько:

1) Пассивность как самого главнокомандующего, так и его подчиненных. Русские офицеры были полностью привязаны к собственным позициям и отказывались пользоваться преимуществами маневрирования. Сам главнокомандующий не озабочился проблемами снабжения и организации тыловой части из-за чего в гуще сражения многие солдаты остались без боеприпасов.

2) Неясность в формулировках приказов и задач для офицерского состава. Кавалерия и вовсе не поучаствовала в сражении, хотя могла быть использована для того чтобы оттянуть часть вражеских сил.

3) «Тактическая безграмотность» командного состава. Отсутствие грамотного взаимодействия между пехотой и артиллерией (исключением являются события на Большом редуте), акцент на лобовых штыковых атаках, игнорирование солдат, вооруженных штуцерными винтовками, использование устаревшей линейной тактики ведения боя.

Все эти проблемы преследовали русскую армию и в Инкерманском и Чернореченских сражениях. Остановимся подробно на последней боевой точки Николаевской военной системе – тактике войск.

Линейная тактика была разработкой прусских военных деятелей конца XVIII – начала XIX ст. Она представляла собой тактическую конфигурацию войск в сомкнутые построения в несколько (или одну) линий. В рамках линейной тактики от солдат и офицеров требовалось автоматическое выполнение команд и полное исключение

инициативы, как таковой. Таким образом войска в механическом способе добивались сплочение боевых порядков армии.

В первой половине XIX века проходила активная разработка концепта «глубокой тактики». Апологетом в этом направлении была Франция. Формирование «глубокой тактики» началось еще в революционной французской армии. Свой окончательный вид она приобрела благодаря реформам Наполеона I [\[5, с. 102\]](#). Эффективность новой тактики в сочетании с изменениями принципов комплектования, организации и обучения армии, была ярко продемонстрирована в ходе Наполеоновских войн.

В Российской империи разработкой «глубокой тактики» в войсках занимались П.Румянцев, А. Суворов, М. Кутузов. Вот как ее описывал П.А. Зайончковский:

«Глубокая» тактика предусматривала такой боевой порядок, при котором каждое воинское соединение эшелонировалось в глубину, в результате чего оно обеспечивалось своим собственным резервом. Кроме того, создавался особый подвижной резерв, располагавшийся также в глубине. Различным видам боя соответствовали различные построения: огневому — рассыпной строй, атаке — колонна..... Если в условиях линейной тактики требовалось лишь автоматическое выполнение команды, то в «глубокой» это заменялось приказом, требующим разумного выполнения» [\[24, с. 32\]](#).

Разработки великих русских полководцев предвосхитили реформы прусского ландвера, позволившие им одержать победу над французской военной машины. Однако должного развития эти идеи в дореформенной армии не получили. Вместо этого составители военных уставов 20-50-х годов пытались соединить положения линейной и глубокой тактики. Попытка объединить эти взаимоисключающие системы, была изначально обречена на провал. В результате военным ведомством были разработаны пять основных боевых порядков, на случай основных типовых ситуаций, что могли возникнуть в бою. Это приводит к естественному результату – уничтожению инициативы офицеров как таковой, поскольку вместо анализа текущей ситуации, они опирались исключительно на опубликованные порядки.

Акцент на «линейном учении» можно объяснить господствующими в русской императорской армии «Гатчинскими традициями», благодаря представителям Гольштейн-Готорпской династии (Павел I, Александр I, Николай I и Александр II) [\[57, с. 27\]](#). Русские императоры первой половины XIX века пытались активно перенести в русскую армию основные достижение и достоинства прусской военной системы. С одной стороны, адаптация передовых разработок, позитивно зарекомендовавших себя в других армиях, несет в себе лишь «положительный аспект». Однако слепое копирование, что было предпринято Павлом I вносит лишь серьезное деструктивное начало во всю вооруженную систему. К сожалению, в результате военного реформирования Александра I и Николая I закрепился лишь самый негативный аспект прусской военной системы – «прусская муштра». Она ставило перед собой цель подготовить солдат не к боевым условиям, а приданнию войскам красиво внешнего эффекта при парадах и смотрах [\[24, с. 33\]](#),[\[5, с. 106\]](#).

Стрельбе уделялось катастрофически мало внимания. Историк А. Керновский пишет, что на стрельбу в год отводилось всего 6 патронов на человека [\[33, с. 282\]](#). О незначительном количестве патронов, выделяемых для обучения стрельбе пишет и П.А. Зайончковский [\[24, с. 33\]](#). О проблемах с огневой подготовкой войск пишут в своих

воспоминаниях лица причастные к армии того периода. Так в воспоминаниях Давыдова присутствует следующий эпизод:

«После нескольких уроков с унтер-офицером, мы с Самарином полюбопытствовали, умеет ли сам учитель стрелять, и к удивлению, нашему, узнали, что он, до малейших подробностей знающий все искусство метания, ружьем никогда не стрелял, да и не приходилось пробовать, ибо зарядов не выдавали для приучения к стрельбе...» [\[15, с. 46\]](#)

О упомянутых выше проблемах пишет, и автор «Из записок севастопольца»:

«Солдаты заботился только о том, что от него требовали – это чистота, выправка, темпы, но то что-то было действительно необходимым для войны, как «стрельба в цель», представлялась ему как прихоть начальства, поскольку многим отсутствием навыков стрельбы на смотрах сходила с рук... для него она представляла своего рода наказание поскольку на нее отводились часы, предназначенные для отдыха и смотрела на все сквозь пальцы...» [\[28, с. 1585\]](#)

Вместо стрельбе, на подготовку к которой выделялось время, предназначенное для отдыха, солдат тренировали на парады. Для того чтобы добиться эффекта, когда штык, остается монолитным (не колеблется при движении), а само ружье звенит при демонстрации тренировочных приемов, многие командиры шли на умышленную порчу снаряжения (ослабление винтов у винтовки) [\[33, с. 282\]](#).

О необходимости практической подготовки и стрельб с боевыми патронами писали еще дореволюционные авторы. Приведем отрывок из Военного сборника от 1911 г.:

«Чтобы поднять этот отдел подготовки, необходимо прежде всего перенести тактику, т.е. боевые приемы, на стрельбища и обратить их из больших тиров для стрельбы в цель в стрелковые участки для решения тактических задач с боевыми патронами. Дело это, конечно, нелегкое и требует больших затрат, но в данном случае цель оправдывает средства для ее достижения... Нашего солдата труднее научить многому, чем немца, француза и, быть может, даже японца. Но он несомненно обладает способностью понимать требования прямо на деле, по возможности, без отвлеченностей» [\[41, с. 3-4\]](#).

Стоит справедливо отметить, что о низком уровне огневой подготовки в пехоте было известно высшему руководству, накануне Крымской войны. В 1852 г. была проведена инспекторская проверка, по итогам которой государю-императору был предоставлен рапорт инспектора стрелковых батальонов генерал-лейтенант Рамзая со следующим содержанием [\[5, с. 110-111\]](#):

Шаги	Личный состав	Процент попадания (число попавших)
Батальонный состав застрельщиков в цепном порядке		
600	240	42 % (100 чел.)
800	-	48% (105 чел.)
1000	-	36 % (86 чел.)
1200	-	34 % (81 чел.)
Унтер офицеры и отборные стрелки		
600	80	70% (50 чел.)
800	-	40% (35 чел.)
1000	-	57% (46 чел.)

1200	-	48% (38 чел.)	
Отборная команда			
400	64	70%	(45 чел.)
500	-	64%	(41 чел.)
600	-	45%	(29 чел.)
800	-	42%	(27 чел.)

С вопросам подготовки личного состава тесно связаны еще две проблематики Николаевской военной системы – это униформа и военное производство.

Советский историк Зайончковский П.А. в одной из своих работ писал о тяге представителей Романовых (за исключением Александра III) к изменениям в форме военнослужащих [\[25\]](#). В своей основе они имели во-многом отрицательный характер, усложняя жизнь как военным в практическом аспекте, так и создавая дополнительную нагрузку текстильной промышленности.

Униформа Николаевской армии была предназначена исключительно на эффектный внешний вид при проведении смотров. Однобортные темно-зеленые мундиры были длиннее предшествующих двубортных. В пехоте были введены высокие сапоги. Кивер с султаном был заменен на каску прусского образца. Этот предмет обмундирования продержался 30 лет. Каска выглядела красиво, но не была удобна при походах. Кроме того, военное ведомство не переняло чехол на каску из-за чего кожа ссыхалась от высокой температуры [\[33, с. 277\]](#).

Военное производство страдало от экономической отсталости империи и эксплуатации устаревших технологических инструментов (крепостной труд). Все производство огнестрельного и холодного оружия осуществлялось тремя основными заводами: Тульским, Ижевским и Сестрорецким. Все эти предприятия были оснащены первоклассным, на тот период, оборудованием, и обеспечены первоклассными оружейными специалистами. Однако основная проблема кроится в эксплуатации крепостного труда, что приводило к низкой производительности фабрик и высокому проценту брака. Приведем несколько цифр.

Тульский оружейный завод был наиболее производительным предприятием. В 1855 году по приказу императора он сумел произвести 106 тысяч экземпляров нарезного оружия [\[47, с. 136\]](#). Согласно планам военного ведомства оружейные заводы должны были производить в районе 100 тысяч винтовок в год. На Тульский завод приходилось изготовления 63 тысячи из них [\[47, с. 133\]](#). По отчетам военного управления, удалось добиться лишь цифры в почти 90 тысяч винтовок и пистолетов в год [\[30\]](#).

Сестрорецкий оружейный завод должен был производить от 30 до 40 тысяч экземпляров стрелкового оружия в год. Вместо этого производительность предприятия составляла в диапазон от 1-й до 6-и тысяч винтовок [\[48, с. 366\]](#). И лишь к 1859 году удалось добиться цифры в 12 тысяч винтовок [\[48, с. 366\]](#). При этом само производство отличалось чрезвычайной дороговизной поскольку расходы на инфраструктуры и штат были предназначены для производства 30-40 тысяч ружей [\[48, с. 376\]](#).

На Ижевском заводе ситуация была несколько лучше. На момент 1858 года, предприятие должно было производить 27 тысяч ружей, из которых на деле изготавливалось 18 тысяч [\[48, с. 381\]](#). Стоимость одной винтовки была в районе 17 рублей [\[48, с. 382\]](#), что было

дешевле чем на Сестрорецком заводе (26-27 рублей за винтовку) [\[47, с. 376\]](#).

Военное производство из-за эксплуатации крепостнического труда страдало от высокого процента брака. При изготовлении боеприпасов процентов бракованных снарядов доходил до страшной отметки в 60-80 процентов [\[59, с. 128\]](#). О высоком проценте брака в военном производстве было известно еще до начала Крымской войны. В 1847 г. генерал-лейтенант Н.О. Сухозанет и член Комитета об улучшении штуцеров и ружей полковник Б.Г. Глинка провели инспекцию на Тульском оружейном заводе [\[58, с. 229\]](#). По ее результатам были сделаны выводы о значительно браке в производстве ружей и необходимости перехода от ручного труда к механическому. Для этой цели они предлагали закупить у французского арсенала Шательро соответствующее оборудование [\[58, с. 229-230\]](#). Революция 1848 г. и ухудшение русско-французских отношений с приходом к власти Наполеона III привело к временной приостановке переговоров с арсеналом Шательро.

Не лучшая ситуация была и с производством артиллерийских орудий. Правительство Российской империи, до начала Крымской войны, уделяло недостаточном внимания артиллерийским заводам. В 1848 году вместо запланированных 572 орудий было произведено лишь 61 [\[24, с. 23\]](#). Изготавливать артиллерийской вооружение приходилось и на арсеналах в Санкт-Петербурге, Брянске и Киеве. Но состояние их не удовлетворяло современным стандартам производства вооружения. Многие пушки отличались низким качеством и нередко разрывались при стрельбе [\[24, с. 23\]](#).

В Николаевской военной системы, существуют два основных исключения из описанных выше проблем – Артиллерийский и инженерная служба, а также Кавказский корпус. Известный зарубежный исследователь военной истории XIX в. А. Ситон в своей работе «*Russian army of Crimea*», при общей негативной оценки подготовки и эффективности русских войск в Восточной войне, отмечает высокий, передовой уровень развития инженерной и артиллерийской службы:

«Артиллерия долгие годы занимает почетное место в русском военном наследии. Ее офицеры, как и инженеры, как правило, имели лучшее образование и более компетентных генералов чем в других родах войск... » [\[77, с. 19-20\]](#).

Крымская война стала вооруженным конфликтом, выявившим многие серьезные недостатки русской военной организации первой половины XIX в. Боевые действия (полевые сражения) в Крыму продемонстрировали значительное отставание Российской империи как в социально-экономическом развитии, так и в отношении военной мысли. Использование устаревшей тактики ведения боя, отсутствие взаимодействия между генералами (в том числе из-за высокой конфликтогенности в офицерском корпусе), слабая подготовка обер-офицерского и штаб-офицерского состава, слабая организация системы снабжения – все это причины поражений русской армии в Крыму. Однако мужество, героизм, стойкость русского человека в сочетании с гением отдельных представителей военной отрасли (Липранди П.П., Нахимов П.С., Корнилов В.А. Тотлебин Э.И. и др.) не привели к ожидаемому союзниками полному разгрому русской армии в Крымской войне. Справедливо отметить, что союзные армии страдали от столь же серьезных проблем, связанных, как и с материально-техническим обеспечением войск, общим и частным управлением боевых сил, низким качеством подготовки рядового состава к сражениям с европейскими армиями. После Крымской войны начались фундаментальные изменения как экономической, так и военной системы Российской империи. Реформы военного министра Д.А. Миллютина (1861-1881 гг.) сумели исправить

многие недостатки военной системы Николаевской эпохи, модернизировав русскую армию к стандартам передовых европейских армий, сочетая при этом дух Суворова-Руменцевской школы.

Обобщая весь спектр проблем связанных с Николаевской армией, уместно привести цитату уже упомянутого, в рамках работы Степанова П.И.:

«Грустное впечатление вывез я из Крыма. Сколько храбрости, самоотвержения погибло от нерешительности, полумер, ошибок! Сколько людей погибло даром от злоупотреблений, воровства, беспорядков! Сколько денег растратчено на ветер, без пользы. Слава богу, что этим еще кончилось! И что могло остаться в памяти об этой войне – кроме соболезнования о нашем сильном, могучем русском царстве без цели, без уважительных причин растратившем свои силы? Что скажет история, конечно, основанная не на реляциях? Не на русский народ, не на солдат падает обвинение. Русский человек весь вылился в этой войне; он шел на бой, не понимая за, что он будет драться, но шел по безграничному высокому чувству покорности Государю и честно исполнил долг свой, дрался стойко и храбро, умирал хладнокровно! Конечно, не на войска падет обвинение; несправедливо и то, чтобы одно обучение армий, отставшее от перемен и улучшений в французский войск, было причиной наших неудач в Крыму; штуцера и развернутый фронт дали перевес неприятелю только в Альминском сражении; в остальных делах теснота на полях сражения уравновешивала действие стрелков.... Где же искать причины военных неудач, откинув в сторону политику? В нашей нерешительности, в самоуверенности, неясности предположений, в полумерах, в недостатках способных военных начальников и главное – в непростительном эгоизме, распрах и личностях между собой» [\[61, с. 50-51\]](#)

Библиография

1. Агеев В.В. Особенности формирования кадрового состава русской армии в эпоху «плац-парада» (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27).
2. Алилуева Н. Итоги и последствия для российской империи по окончанию Крымской войны 1853-1856 г. // Материалы национальной научно-практической конференции научно-педагогических работников и аспирантов, приуроченной к 20-летию гуманитарно-правового факультета. Воронеж, 2021.
3. Арбузов Е. Воспоминания о компании на Крымском полуострове в 1854-1855 гг. // Военный сборник. Год семнадцаты. №4, апрель 1874.
4. Айрапетов О. Крымская война. Популярный очерк. М.: REGNUM, 2017
5. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973.
6. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877
7. Взгляд на обучение стрельбе масс пехоты // Военный сборник. Год Семнадцатый. №4, апрель 1874.
8. Васильчиков В.И. Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя В. И. Васильчикова // Русский архив, 1891. Кн.6.
9. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
10. Гаврилов С.В. Особенности интендантского снабжения в Русской армии в первой половине XIX века // Военно-исторический журнал. №1, 2009.
11. Галенковский П.А. Воспитание юношества в прошлом. СПб.: Типография И. Генералова. 1904.

12. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений 1770-1910. М., 1910
13. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882.
14. Гольц Кольмар фон дер. Вооруженный народ/Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время. СПб: Воен.тип., 1886.
15. Давыдов В. Самарин-ополченец // Русский архив. №5, 1877
16. Деникин А.И. Путь русского офицера. E-book.
17. Действительное значение самостоятельности в командной системе на войне // Военный сборник. Год тридцать девятый. №7, июль 1896.
18. Донерт Э., Найбуэр Х. Русские цари. 1547-1917. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
19. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя в 3-х Т. СПб, 1900.
20. Егоров В.И. Наш XVIII век. Военный сборник. М.: Арт-Волхонка, 2014.
21. Жеребкин М. Крымская война: уроки на сегодня и завтра // Успехи современной науки и образования. №6. Т.4, 2016.
22. Зайончковский А. М. Восточная Война 1853-1856. СПб.: Полигон, 2002.
23. Зайончковский А. М. История русской армии. Т.3. E-book.
24. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. Изд-во Московского Университета, 1952.
25. Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120418015708/http://august-1914.ru/zayonchkovsky2.html> (дата обращения 11.07.2022).
26. Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: РОССПЭН, 1998.
27. Заойнчковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетия, 1881-1903. М.: Мысль, 1973.
28. Из записок севастопольца // Русский архив. №12, 1867.
29. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // СБ.РИО Т.98. С.366-367; Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907.
30. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855-1880), т. 2, СПб., 1880, прилож. 28
31. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в Русской Армии // Военный сборник. Год тридцатый. №4, апрель 1887.
32. Кепель О.В., Хабибрахманов И.Р. Правовые основы формирования кадрового состава русской армии во второй половине XVIII века // Вестник военного университета № 2, 2020.
33. Керновский А. История русской армии: 1770-1881. Смоленск: Русич, 2004.
34. Керновский А. История русской армии. Т.2. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/05.html> (Дата обращения 31.08.2022)
35. Ковалев К.С. Военные реформы Павла I в оценках историков и мемуаристов // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 3.
36. Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1999.

37. Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича, 1796–1801 // Русская старина. 1877. Т. 18.
38. Махов С. Крымская война: пороки британского войска. Режим доступа: <https://warspot.ru/13827-krymskaya-voyna-poroki-britanskogo-voyska> (дата обращения 23.06.2022)
39. Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. СПб.: Сенат. тип., 1904.
40. Михайлов А. А. Первый бросок на юг // Военная литература. Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/mihaylov_aa2/01.html (дата обращения 04.07.2022)
41. Огородников Ф. Тактическая подготовка пехоты // Военный сборник. Год Пятьдесят четвертый. №4, апрель 1911.
42. О быте офицеров германской армии // Военный сборник. №1, январь 1894.
43. О быте офицеров германской армии // Военный сборник № 2, февраль 1894.
44. О чинопроизводстве и пенсиях // Военный сборник. Год Сорок Первый. №3, Март 1898.
45. Офицерские вспомогательные капиталы // Военный сборник. Год тридцатый. №1-2 январь, 1870.
46. О назначении пенсии из инвалидного капитала // Военный сборник №2, февраль 1894.
47. Оружейные заводы в России // Военный сборник. № 9, сентябрь 1861.
48. Оружейные заводы в России // Военный сборник. № 10, октябрь 1861.
49. О чинопроизводстве и пенсиях // Военный сборник. Год Сорок Первый. №3, Март 1898.
50. Об обществе потребителей в войсках // Военный сборник. №12, Декабрь 1887.
51. Панчулидзе С.А. Значение военных реформ Павла I // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004.
52. Пенской В.В. Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории №7, 2001.
53. Пирогов Н.И. Севастопольские письма Н.И. Пирогова 1854-1855 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907.
54. Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3265.
55. Раков В.С. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны 1853-1856 гг. Евпатория: Типография М.Л. Мурованского, 1904.
56. Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до настоящего времени: в 2 т. М., 1897. Т. 2
57. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М.: Военгиз, 1928.
58. Сергиевский И.А. Русско-французское военно-техническое сотрудничество во второй половине XIX века на примере арсенала Шательро // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды десятой Международной научно-практической конференции. СПБ:ВИМАИВиВС, 2021.
59. Степанов В.Л. Крымская война и экономика России // ВТЭ №1, 2018.
60. Степанов П.И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник. Год сорок восьмой. №9, сентябрь 1905.
61. Степанов П.И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник. Год сорок восьмой. №12, декабрь 1905.
62. Суитман Дж. Крымская война. Британский лев против русского медведя. М.: Эксмо,

2011.

63. Сурин В.И. Современный французский офицер // Военный сборник №5, 1911.
64. Татарников К.В. Материалы по истории русского военного мундира 1730-1801: Сборник документов. Т.И. М., 2009.
65. Татарников К.В. Русская армия времен Екатерины Великой: взгляд изнутри // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т.II.
66. Терехин А.М. Чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить // Военно-исторический журнал. №2, 2017.
67. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Режим доступа: https://librebook.me/sevastopolskie_rasskazy/vol1/3 (дата обращения 05.07.2022)
68. Трещев В. Цена офицера. Режим доступа: <https://warspot.ru/11095-tsena-ofitsera> (дата обращения 23.06.2022).
69. Хренов М. М. Военная одежда русской армии. М.: Воениздат, 1994.
70. Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017.
71. Ченнык С.В. Альма. Севастополь: Ченнык С. В., 2011.
72. Шапиро Б.Л. Русская конница в эпоху Фридриха Великого: культурный конфликт или диалог культур? // Человек и культура. 2019. № 1. С. 41-56. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.1.28891 URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=28891
73. Шендрикова С.П. Мастера сцены в истории театрального искусства Крыма XIX– XX веков. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011.
74. Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007.
75. Юркевич Е.И. Обмундирование русской армии в царствование императора Павла I (1796-1801 гг.): Анализ и оценки // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Материалы Международной военно-исторической конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2016.
76. Reese R. R. The imperial Russian army in peace, war, and revolution, 1856-1917. University Press of Kansas, 2019.
77. Seaton A. The Russian army of the Crimea. Osprey, 1973.
78. Kagan F.W. The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999.
79. Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon, 1985.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В своё время выдающийся литературный критик В.Г. Белинский как-то заметил: «Русская история есть неистощимый источник для всякого драматика и трагика». И действительно за тысячелетнюю историю нашей страны можно отметить и героические и драматические события, активно обсуждаемые и сегодня, при чем не только профессиональными историками, но и публицистами. В ряду этих событий находится и Крымская война, которую иногда, подчёркивая ее важность, именуют не иначе как «нулевая мировая война». Ее значения как для русской армии, так и для всего общества очень велико, в связи с чем представляется важным обратиться к ее проблемным зонам.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является военная организация Российской империи накануне Крымской войны. Автор ставит своими задачами рассмотреть причины поражения русской армии в этой войне, проанализировать различия военной системы России и других стран, в частности Пруссии, а также показать степень эффективности военного производства.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится ««последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать достоинства и недостатки русской армии в эпоху Николая I.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент прежде всего следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 80 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников стоит отметить различные воспоминания, нормативно-правовые акты, а также отдельные исторические труды эпохи XIX в. Из используемых исследований укажем на труды Л.Г. Бескровного, А.М. Зайончковского, С.В. Волкова, в центре внимания которых различные аспекты организации и деятельности русской армии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как военной историей, в целом, так и Крымской войной, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «к главным причинам поражения Российской империи в войне относят техническое отставание русских войск от зарубежных армий», однако гораздо важнее выявить основные проблемы военной системы России. В работе показано, что «боевые действия (полевые сражения) в Крыму продемонстрировали значительное отставание Российской империи как в социально-экономическом развитии, так и в отношении военной мысли». Среди причин поражений русской армии автор справедливо отмечает «использование устаревшей тактики ведения боя, отсутствие взаимодействия между генералами (в том числе из-за высокой конфликтогенности в офицерском корпусе), слабая подготовка обер-офицерского и штаб-офицерского состава, слабая организация системы снабжения».

Главным выводом статьи является то, что «Крымская война стала вооруженным конфликтом, выявившим многие серьезные недостатки русской военной организации первой половины XIX в.»

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, обобщает широкий массив источников, вызовет читательский интерес, а ее

материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации.